

А.А. ДАНИЛКИН

ФЕРМЕРСКОЕ ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО

МОСКВА 2011

А. А. Данилкин

Фермерское охотничье хозяйство

«Товарищество научных изданий КМК»

2011

УДК 636/639

Данилкин А. А.

Фермерское охотничье хозяйство / А. А. Данилкин —
«Товарищество научных изданий КМК», 2011

ISBN 978-5-87317-731-8

Пособие по организации фермерского охотничьего хозяйства, содержанию и разведению крупной дичи. Для фермеров, охотоведов, егерей и студентов зоотехнических и охотоведческих факультетов.

УДК 636/639

ISBN 978-5-87317-731-8

© Данилкин А. А., 2011
© Товарищество научных изданий
КМК, 2011

Содержание

Предисловие	6
Фермерское разведение охотничьих животных: исторический экскурс	7
Царские зверинцы и охотничьи дворы как прототип современного фермерского охотничьего хозяйства	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

А. А. Данилкин
Фермерское охотничье хозяйство

О ИПЭЭ им. А. Н. Северцова РАН, 2011.

© Товарищество научных изданий КМК, 2011.

Предисловие

В последние десятилетия в российских охотничьих угодьях повсеместно появляются вольеры с охотничьими животными, преимущественно копытными, и их число увеличивается с каждым годом. Деятельность, связанная с содержанием и разведением животных для охотничьих целей на огороженных участках, получила название *охотничье фермерство*.

Но нужно ли охотничье фермерство великой охотничьей державе, площадь естественных охотничьих угодий которой более 1,4 млрд гектаров, и, если нужно, то как организовать его и как содержать, разводить и эксплуатировать крупную дичь? Эти вопросы возникают постоянно, и мне все чаще приходится консультировать потенциальных и действующих фермеров. Для них и написана эта книга, в которой показаны идеология, принципы организации, основные проблемы становления этого направления и даны практические советы. Концептуальные аспекты, несомненно, заинтересуют российских охотничьих чиновников и депутатов, что, надеюсь, поможет расчистке законодательных и ведомственных барьеров на пути охотничьего фермерства. Монография будет полезной охотоведам, егерям, а также студентам зоотехнических и охотоведческих факультетов, поскольку многим из них со временем придется осваивать профессию охотничьего фермера.

Книга подготовлена по Программе фундаментальных исследований ОБН РАН «Биологические ресурсы России: оценка состояния и фундаментальные основы мониторинга» и заказу Ассоциации «Росохотрыболовсоюз» и МССО «Московское общество охотников и рыболовов». Она специально написана кратко и доступно. Обширная сводка научной литературы и сведения о биологии диких копытных содержатся в сравнительно недавно опубликованных мной фундаментальных монографиях: «Олени» (1999), «Свиные» (2002), «Полорогие» (2005) в серии «Млекопитающие России и сопредельных регионов», «Дикие копытные в охотничьем хозяйстве: основы управления ресурсами» (2006), «Динамика населения диких копытных: гипотезы, факторы, закономерности» (2009) – к ним я и отсылаю самых любознательных читателей.

Автор приносит глубокую благодарность: владельцам и сотрудникам охотничьих парков и ферм, которые всемерно способствовали сбору необходимого материала (особо – М. Ю. Росинскому и С. А. Егорову); рецензентам – кандидатам биологических наук В. М. Кирьякову и В. И. Приходько за ценные замечания при прочтении рукописи; чл. – корреспонденту РАН Б. Р. Стригановой за финансовую поддержку издания книги; Л. Л. Данилкиной за помощь в поиске нужной литературы; В. Г. Малееву, А. Ф. Дигилевичу, О. Е. Пантелееву, А. Н. Минаеву и R. P. Prior за любезно представленные цветные фотографии животных. На обложке – картина И. Меттенлейтера «Зверинец в Гатчинском парке».

Фермерское разведение охотничьих животных: исторический экскурс

В палеолите практически все люди были всеядными и *охотниками*, иначе бы не выжили. Они не только убивали зверей палками, камнями, копьями и каменными топорами, но и нередко ловили их живьем в специально оборудованные земляные ямы, петли и другие ловушки. Пойманных животных тоже сразу же убивали и съедали, но при изобилии дичи часть продукции все же пытались сохранить. В связи с резко меняющейся климатической обстановкой, ростом человеческого населения и сокращением численности зверей в местах обитания племен, далеко не всегда охотники возвращались с добычей. Первый охотник, у которого мелькнула мысль оставить *в живых* детенышей дикой козы, горного барана, дикой свиньи или тура и съесть их позже, был умнейшим человеком. Однако сразу же возникли проблемы: этот «живой запас мяса» надо было охранять не только от кровожадных и постоянно голодных соплеменников, но и от хищных зверей, для чего понадобилось построить загородку в пещере или загон возле нее. Безусловно, только сильный, авторитетный вождь племени мог организовать и охрану «домашних» особей, и строительство забора. Вскоре выяснилось, что живых животных надо еще и кормить, иначе они погибают, а для этого потребовалось организовать их выпас или кормление в загоне, что очень непросто. Так, скорее всего, в невероятных терзаниях, методом проб и ошибок в разных местах планеты, где климат был относительно теплым, в самом конце мезолита или, более вероятно, в начале неолита (12–8 тыс. лет до н. э.) возникли первые *охотничьи фермы*, на которых отдельных животных содержали и затем убивали. Так зародилось *охотничье фермерство* и, затем, через многовековой процесс одомашнивания диких животных, животноводство. Этот переход от охоты и собирательства к охотничьему фермерству, скотоводству и земледелию был, по сути, неолитической революцией – величайшим событием, давшим человеку неисчерпаемый источник пищи.

Из более чем 1 200 тыс. известных видов животных число разводимых человеком немногим превышает сотню, но лишь около 60 из них, преимущественно млекопитающих стадных вегетарианцев, можно признать одомашненными, или домашними. Среди последних наиболее многочисленны овцы, козы, свиньи, коровы, лошади, куры, утки и гуси. Среди разводимых охотничьих птиц доминируют гибридный фазан, крякva, серая куропатка и японский перепел, в последнее время быстро прогрессирует страусоводство; из пушных видов – кролик, норка, лисица и песец; из копытных – благородный, пятнистый и северные олени, лань и кабан. Звероводство, северное и пантовое оленеводство стали важными отраслями животноводства.

В плане вольерного разведения копытных нам наиболее интересно пантовое оленеводство. Судя по историческим сведениям, оно зародилось на Южном Алтае в 30-е годы XVIII в. и затем распространилось по всей Сибири и Дальнему Востоку. Высокая рыночная стоимость пантов и неограниченный спрос на них побудили многих предпринимателей, как правило, хороших охотников, к отлову оленей в природе и разведению их в неволе (фото 1 и 9). На Алтае первыми мараловодами стал братья Шарыповы, Черновы и Фомины, в Саянах – Фунтиков, в Забайкалье – А. А. Нескромный, устроивший в 1843 г. до 150 ям, при помощи которых поймал 23 зверя. К концу XIX в. 300 хозяев имели здесь более 1 тыс. изюбрей, на Алтае в 201 оленнике содержали 3,2 тыс. маралов, в Туве их поголовье доходило до 1 тыс. К 1917 г. лишь в Семипалатинской и Алтайской губерниях в неволе находилось более 10 тыс. маралов. Крестьяне с. Берель в 1919 г. имели их около 7 тыс., из них 4090 рогачей. В 1920 г. лишь в Бухтарминском уезде в 350 хозяйствах содержали 8,3 тыс. голов.

В Приморье крупные оленепитомники стали создавать в конце XIX в. С. Я. Попосов первым отгородил небольшой участок леса в Шкотовском районе, куда выпускал отловлен-

ных им или купленных у охотников пятнистых оленей. Опыт содержания зверей в парке был успешным. В 1907 г. оленевод переселился в Ольгинский район, где построил новые загоны, в которых в 1912 г. содержал до 500 особей. В хозяйстве ссыльного поляка М. И. Янковского, созданном в 1887 г. на полуострове Сидими, в 1917 г. насчитывали около 2000 голов. В частном оленнике на о. Путятин, появившемся в 1867 г., находились 1500 оленей, на мысе Гамова – 500. Большие загоны были также на мысе Песчаном, островах Русском, Попова, Рикорда, Римского-Корсакова. В питомнике на о. Аскольд Владивостокское общество любителей охоты за 30 лет увеличило стадо с 15 до 2500 особей. Более 1500 зверей выращивали в небольших загонах крестьяне.

Цены даже на срезные панты были баснословными – от 40 до 300 рублей за пару от марала и изюбря и до 500–800 рублей – от пятнистого оленя. Для сравнения: цена дойной коровы в это время колебалась в пределах 4–22, а рабочего коня – 20–35 рублей. Случалось, что только один олень за свою жизнь приносил хозяевам более 1 тыс., а годовая выручка с оленника превышала 10 тыс. рублей. В 1893 г. забайкальский оленевод Г. Рубинштейн продал 107 пар пантов на 13 тыс. рублей. В Саянском районе в 1914 г. мараловодами продано их 260 пудов на 39 тыс. В Южной Сибири в этот период многие деревни безбедно жили исключительно на доходы от мараловодства.

Панты от домашних и диких оленей хозяева или скупщики переправляли в разные города Китая и Гонконг через Кяхту, Ургу и Благовещенск. Только через Кяхту в 1847–1849 гг. было вывезено 709 пар пантов, в 1862–1869 гг. – 2469 пар на сумму 107639 рублей. В китайском городе Гуй-хда-чень ежегодно с 1 декабря открывалась ярмарка оленьих рогов. В 1866 г. здесь было продано около 4000 пар на сумму 300 тыс. рублей. В 1895 г. в Ургу вывезено и продано их от 22 до 25 пудов, а в 1897 г. только с Алтая переправлено в Китай 180 пудов на 50 тыс. рублей. С 1892 по 1907 гг. через Онгудайскую таможенную стоянку на Чуйском тракте, вывезено 272 ц пантов на сумму 560427 рублей. В начале XX в. из Тувы вывозили от 900 до 1200 пудов марального рога – продукцию от 4–6 тыс. самцов.

После революции 1917 г., Гражданской войны и последовавшей затем коллективизации многие оленники были ликвидированы. В с. Берель, например, из 7 тыс. оленей к 1928 г. сохранилось лишь 245. В Горном Алтае маральники стали восстанавливать после 1929 г. К 1940 г. совхозное поголовье выросло до 9,5 тыс., но в военные и послевоенные годы сократилось почти вдвое. В 1985 г. в 15 крупных алтайских хозяйствах насчитывали около 25 тыс. маралов и 8 тыс. пятнистых оленей (в 1933–1935 гг. сюда вселили 222 зверя). В Приморье в 1920 г. в 106 частных хозяйствах содержали около 1,5 тыс. пятнистых оленей, в 1928 г. – 5,5 тыс., а в середине 80-х годов поголовье фермерских животных превысило 60 тыс. В 1927 г. семь дальневосточных оленей завезли в первый сибирский государственный питомник пушных и копытных зверей, созданный профессором В. Ч. Дорогостайским на Байкале. В 1933 г. он был ликвидирован, а животных отправили в Алма-Ату. В 1966 г. крупный олений парк создан на Северном Кавказе вблизи г. Нальчика. В 80-е годы здесь находилось около 1300–2000 особей. Этот питомник тоже стал одним из центров расселения пятнистого оленя.

В 80-е годы XX в. в специализированных совхозах и колхозах России содержали до 100 тыс. благородных и пятнистых оленей. В середине 90-х годов поголовье копытных заметно сократилось. В приморских хозяйствах осталось, по разным оценкам, около 3,5–12 тыс. особей, оленеводство пришло в упадок, а его реанимация затянулась на десятилетия. На Алтае, напротив, в период разрухи пантовые хозяйства уцелели, и это направление быстро развивалось. В конце первого десятилетия XXI в. в России насчитывали более 180 пантовых оленеводческих хозяйств разной формы собственности, занимающих около 150 тыс. гектаров, с поголовьем более 80 тыс. маралов и 25 тыс. пятнистых оленей. Ежегодный объем производства консервированных пантов превышает 45 тонн. Большая часть пантовой продукции экспорти-

руется в Южную Корею, ежегодный рынок пантов которой оценивается в миллиард долларов США.

Важно, что в процессе domestikации поведение марала и пятнистого оленя существенно изменилось: даже крупными их стадами теперь управляют, выпасая вне парка на воле как домашний скот (этот метод, к сожалению, неизбежно приводит к потере части поголовья). Опыт, накопленный в пантовом оленеводстве, трудно переоценить, и его нужно непременно и тщательно изучать охотничьим фермерам, хозяйства которых пока что, в большинстве своем, более примитивны (подробнее об оленях и пантовом оленеводстве см.: Менард, 1930; Друри, Матюшев, 1963; Данилкин, 1999; Луницын, 2004; Луницын и др., 2007; Фролов, Луницын, 2007).

Разведение лося оказалось менее результативным. Попытки его одомашнивания жителями Сибири, судя по многочисленным наскальным рисункам, где звери изображены в упряжке, под седлом, в загородках и выпасаемыми всадниками на пастбищах, предпринимались с новокаменного и железного веков. В XX в. опыты по целенаправленной domestikации вида велись на научных станциях и фермах в Томской, Новосибирской, Тюменской, Московской, Костромской и Ярославской областях, в Якутии, в заповедниках Бузулукский бор и Печоро-Ильчском и других местах. Эксперименты показали малоприспособленность лося в качестве ездового животного. Выращивание его на фермах (фото 7) для получения мясной продукции оказалось значительно более затратным, чем в охотничьем хозяйстве. В загонах лоси быстро уничтожают всю древесно-веточную растительность, и ее приходится или ежедневно заготавливать в окрестностях ферм, или же ежедневно выпасать стадо вне вольер. При длительном выпасе животных в одном районе вред лесным экосистемам весьма велик, пастбища деградируют, а постоянная подкормка ведет к дополнительным затратам. Пожалуй, единственный аргумент в пользу дальнейшей domestikации лося – высокие целебные свойства молока. Средняя продолжительность лактационного периода у фермерских лосих составляет 3,5 месяца (40–185 дней), максимальный удой на пике лактации – около 8 л, молочная продуктивность – до 300 л за сезон.

Как видим, фермерские стада марала, пятнистого оленя и лося выпасают или могут выпасать вне вольер, как и домашних животных, которые часть времени проводят в хлевах и загонах, а часть – на воле. Отсюда, во многом, возник термин «*полувольное* разведение животных».

Многих зверей, особенно редких и исчезающих, содержат и разводят в вольерах без выпаса на воле, т. е. *в неволе*. Таким образом, например, в последнее столетие сохранены зубр и бизон, а в настоящее время ученые пытаются сохранить генофонд тигра, леопарда, сайги и других видов. Некоторых охотничьих животных разводят в неволе для получения специфической продукции. В Китае на кабарожьих фермах прижизненно в промышленных масштабах получают мускус – ценнейшее сырье для парфюмерии и фармацевтики. В ближайшие десятилетия фермерское поголовье кабарги здесь, при государственной финансовой поддержке, намерены довести до 200 тыс. В ряде восточноазиатских стран в медицинских целях разводят бурого и гималайского медведей.

Почти двухсотлетний опыт *многовидового* паркового содержания и разведения диких зверей и птиц накоплен во всемирно известной Аскании-Нова. Здесь любитель диких животных и впоследствии член Русского общества акклиматизации Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн собрал со всего мира (в основном для опытов по акклиматизации, гибридизации и продажи живых особей) десятки видов диких зверей и птиц, включая разнообразных оленей, антилоп, баранов, зубра, бизона, сайгу, лань, лошадь Пржевальского, зебр, зайцев, страусов, фазанов. Зимой все теплолюбивые виды содержали в специальных отапливаемых скотных дворах коридорного типа, холодоустойчивые – в видовых загонах или вместе в обширном вольере. Летом многих копытных, включая благородных и пятнистых оленей, пасли на воле. Подкармливали животных в основном зеленой массой культурных растений: люцерной, кукурузой, суданской

травой, кормовыми арбузами и др. Вода поступала из водонапорной башни в корыта в загонах и в оросительную канаву. Всего в этом парке с общей площадью вольер в 2400 га пребывали сотни видов животных, в том числе 70 видов и 23 гибридные формы диких копытных. В Аскании-Нова выращены и переданы в зоологические парки, охотничьи хозяйства, заповедники и другие учреждения тысячи особей. Именно здесь был выведен приспособленный к степным условиям (живущий без веточного корма) асканийский гибридный олень с роскошными рогами. Для образования этой формы использованы 12 особей марала, 5 – благородного европейского, самец и самка крымского оленей, два самца изюбря, самец и самка североамериканского вапити (Салганский и др., 1963; Треус, 1968).

Проблему фермерского содержания и разведения сайги (фото 6), численность которой в конце XX в. уменьшилась в десятки раз, следует обсудить более детально, поскольку речь идет о выживании вида. В XIX в. такую попытку по поручению Русского общества акклиматизации предпринял саратовский биолог К. Глич. Однако все отловленные капканами и петлями взрослые особи быстро погибли от травм. Из 49 новорожденных сайгачат, содержавшихся в тесном дощатом загоне, погибли 36. В зоопарках Европы сайгу содержат с переменным успехом с 1864 г., в США – с 1934 г. В бывшем СССР сайгу пытались разводить в зоопарках Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Таллина, Алма-Аты и Чемкента. Большинство особей здесь не жили больше 3 лет, и лишь отдельные из них достигали 5–10-летнего возраста. В последние десятилетия размножение этих копытных, в результате накопленного опыта работы с видом, идет более успешно, чем раньше, что весьма радует в плане сохранения генофонда. В 60–70-е годы опыты по выращиванию сайги в неволе проводили научно-исследовательские противочумные институты и Институт зоологии АН Казахстана, где самки приносили потомство в течение нескольких лет. Разведение этого копытного в парке экоцентра «Джейран» в Бухарской области Узбекистана, насколько мне известно, не было успешным.

Эксперименты по разведению сайги в вольерах Аскании-Нова на Украине ведутся с 1887 г. За 70 лет до 1958 гг. сюда поступило 174 зверя, и вместе с родившимися здесь было 340 особей, из которых 300 пали, 18 проданы и 19 выпущены на о. Бирючьем, откуда разбежались и погибли. Продолжительность жизни зверей в неволе в среднем не превышала 3 лет. Большинство из них умирали на первом и втором годах жизни из-за болезней внутренних органов и нарушения обмена веществ, травм, инфекций, инвазий и отравления, и только единицы доживали до 5–7 лет. В 1969 и 1978 гг. сюда завезли 73 зверя из Казахстана и 50 из Калмыкии, но почти половина первой партии вскоре погибла. И все же, несмотря на неудачи, здесь доказана реальная возможность разведения сайги в неволе. От 39 оставшихся в живых животных к 1997 г. получено 545 детенышей. Ежегодный приплод достиг значительной величины – 49 особей, при этом ежегодно 2–4 сайгаченка рождались мертвыми или слабыми. В 1998 г. в двух загонах площадью 807 и 1550 га содержали 212, в 2004 г. – 134 особей. 20 зверей отсюда отправлены в Чехию и 6 завезены в заповедник «Еланецкая степь» (Салганский и др., 1963; Треус, 1968; Павлов, 1999; Треус, Смаголь, 2004; и др.).

В Китае в вольерах сайгу содержат с 1989 г. В последние годы вольерное разведение вида практикуется в Калмыкии, где к 2004 г. численность зверей на ферме достигла 82 особей, и начато в Астраханском госохотхозяйстве. В неволе лучше выживают крупные детеныши (с массой не менее 2,6 кг), пойманные в природе, с «лояльной» оборонительной реакцией на человека (не сопротивляются, когда их берут на руки). В вольерах их содержат небольшими группами (до 10 особей), выпаивая до 3–4-месячного возраста заменителем цельного молока, применяемым для искусственного выращивания овец и телят в животноводстве. Кормление заменителем молока происходит от 7 до 1 раза в сутки в зависимости от возраста сайгачат. С 4-го дня молочное питание сочетают с выпасом. По мере стравливания растительности в вольере, сюда привозят свежескошенную траву, из которой детеныши выбирают полынь, типчак, солодку, марь белую, люцерну. С третьего месяца в их рацион включают дробленый

ячмень и комбикорм. В вольере должна находиться вода и соль-лизунец. В сутки на одно животное требуется 2,1–3,9 кг сырого или 1,3–2,0 сухого корма. Приемы выращивания сайги в неволе подробно освещены в работах Б. И. Петрищева и соавторов (1997), Ю. Н. Арылова (2002), В. А. Миноранского и СВ. Толчеевой (2010).

Выращенных в искусственных условиях животных, как считают некоторые специалисты, нужно выпускать в природу для пополнения популяций. На мой взгляд, эти выпуски, скорее всего, будут обречены на неудачу – вольерные особи быстро станут жертвами волка, собак и браконьеров. Напомню, что выпуски сайги в Сюгатинской долине Заилийского Алатау (38 особей), на островах Булла (20 и 58) и Глиняном (53) Бакинского архипелага, в Ширванской степи (35 голов) и Кызыл-Агачском заповеднике Азербайджана не дали результата, несмотря на начавшееся размножение и расселение животных, большей частью именно по этой причине. Возрождение популяции о. Барсакельмес стало возможным лишь благодаря организации заповедника и хорошей охране. Без устранения главных причин, вызвавших очередную депрессию природных популяций, сайгу фермерскими мерами *не спасти*, а при действенной охране и резком сокращении численности крупных хищников вряд ли понадобится масштабная и дорогостоящая работа по разведению зверей в неволе и их реинтродукции в природу.

В последние десятилетия во всем мире особенно быстро прогрессирует *многоцелевое* вольерное разведение диких копытных: для получения мясной диетической продукции и лекарственного сырья для медицинской промышленности, охоты на животных в загонах, выпуска их в природу «под выстрел» или для создания вольных группировок, а также для демонстрации зверей посетителям по типу открытого зоо- или экологического парка, в котором экскурсанты перемещаются, как правило, на авто- или электромобилях. Спрос на такого рода услуги неуклонно растет, растут и доходы фермеров, что, в свою очередь, способствует расширению бизнеса и увеличению поголовья парковых копытных.

Судя по литературным источникам, поголовье оленей и лани на огороженной территории в Австралии более 220 тыс., в Канаде – 160 тыс., в США и Южной Корее (на 12 тыс. ферм) – по 200 тыс., в Китае – 1 млн. В Европе примерно на 15 тыс. ферм содержат более 1 млн особей (включая кабана). Здесь и в Австралии срезка пантов с живых животных запрещена по гуманным соображениям, и копытных разводят в вольерах в основном для охоты, получения высококачественного мяса и в рекреационных целях. В Новой Зеландии, где вольерное разведение благородного и пятнистого оленей и лани начато лишь в 1969 г., сейчас более 5 тыс. ферм, а общее поголовье фермерских зверей превышает 2,3 млн особей. Эта страна в короткий срок стала основным поставщиком «дикого» мяса (до 30 тыс. тонн ежегодно), пантов (более 530 тонн) и шкур на мировой рынок на сотни миллионов долларов ежегодно. В Уганде, Намибии и Зимбабве ранчо занимают 10–15 % территории. В Намибии на пяти с лишним тысячах ранчо площадью около 35 млн га находится, зачастую вместе с домашним скотом, свыше 500 тыс. голов 11 видов копытных. Фермерское поголовье диких копытных в Африке оценивается минимум в 2 млн, а мировое (без учета северного оленя) – более 7 млн, из них около 4 млн – «пантовые» олени.

Царские зверинцы и охотничьи дворы как прототип современного фермерского охотничьего хозяйства

Прототипом современного фермерского охотничьего хозяйства отчасти могут быть царские зверинцы и охотничьи дворы, основная причина организации которых – оскудение крупной дичи в государстве российском с XVIII в., особенно вблизи столиц, и необходимость организации успешных охот для высочайших особ. Примером для российской знати были богатые европейские аристократы и землевладельцы, разводившие оленей в загонах для созерцания и охоты с XVII в. В Китае олени охотничьи парки, судя по историческим сведениям, появились еще раньше – за 11 столетий до н. э.

Сведения о царской охоте, быте и нравах России с древнейших времен и до начала XX в., собранные по крупицам, донес до нас историк Н. И. Кутепов в превосходном издании «Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси» (1895–1911).

В Петербурге и окрестностях начало устройству зверинцев было положено Петром I. Одновременно с изданием указа о собирании диковинных уродцев в кунсткамере, Петр распорядился о привозе редких зверей и птиц. Размещены они были в специальных помещениях в Летнем саду. Но это был скорее зоологический, нежели охотничий, парк.

Устройство зверинца в целях охоты начато в Царском Селе против каменных дворцовых палат не ранее 1718 г. В середине деревянного палисада окружностью до четырех верст, обнесенного глубоким и широким рвом, был сооружен каменный погреб, на нем насыпан большой холм, на котором поставили решетчатую галерею, а позднее, в начале царствования Елизаветы Петровны, – четырехбашенное здание «ягдкамеры», названное Монбежем. Зал, павильоны и даже купол этого знаменитого теперь здания расписаны изображениями животных и украшены картинами из охотничьей жизни кисти художника Иоганна Грота. В этом зверинце содержали около сотни оленей разных видов, а также лосей, кабанов, диких коз (косуль), зайцев, павлинов, лебедей, журавлей, различные виды гусей и уток, цесарок, фазанов и других птиц. При зверинце размещалась псовая охота, состоящая из нескольких десятков борзых, гончих и легавых собак.

Сооружение еще более обширного зверинца (охотничьего парка) в шесть квадратных верст в любимейшей летней резиденции царя в Петергофе начато до 1721 г., но завершено лишь в 1731–1736 гг. после его смерти в царствование Анны Иоанновны (Ивановны) – большой любительницы охоты. При ней в Петербурге и окрестностях возникло несколько новых зверинцев, зверовых и охотничьих дворов. Главный Зверовой двор размещался на месте Инженерного замка и Михайловского манежа. Среди многих видов зверей здесь содержали львов, леопардов, тигров, а позднее, в 1773 г. – 2 барса, каракала, 4 соболя, 4 лисицы, 3 рыси, волка и песца. Близ него был «Ауроксов» двор, в котором содержали «диких быков», или «ауроксов» (?). Малый зверинец, где находились американские и индийские олени и дикие козы, располагался на лугу против Летнего дворца. В нем также пытались разводить фазана под приглядом «фазан-егеря». Кроме того, имелись кабаньи и заячьи зверинцы, отдельные дворы для слонов и черных медведей, а в Первом дворцовом саду находились различные виды птиц, включая страусов, тетеревов (до 14 пар) и серых куропаток (до ПО пар). Позднее крупный зверинец, основанный князем Г. Г. Орловым, был устроен в Гатчине.

В 1737 г. императрица Анна Ивановна повелела завезти из Измайловского зверинца в Петергофский «немецких оленей и маралов (сибирских оленей) по 50 зверей, кабанов рослых до 15 и таких, которые там для заводу быть не годны». Затем сюда поместили также зубров, диких коз, буйволов, лосей, американских оленей, тигров, медведей, волков, зайцев и другие виды зверей, индийских кур и серых куропаток. В зверинце была построена красивая беседка,

названная «Темпле», из которой Анна «стреляла в мимо пробежавших зайцев, кабанов, ланей, тунгусских (северных – А. Д.) и немецких оленей... И сею забавою... вовсе неприличной женскому полу, она почти до кончины своей занималась» (рис. 1 и 2). «Одним из любимейших была гоньба оленей гончими собаками, под выстрелами охотников, между двумя рядами полотен, расставленных на большом пространстве. Полотна расставлялись обыкновенно в Нижнем Петергофском саду и требовались в таком количестве, что для хранения их выстроен был отдельный цейхгауз». Охотилась она до конца своей жизни. Известно, что с 10 июля по 26 августа 1740 г. она застрелила: «9 оленей (с 24, 18 и 14 отростками на рогах), 16 диких коз, 4 кабана, одного волка, 374 зайца, 68 диких уток и 16 больших морских птиц». Помимо ружейной охоты императрица часто развлекалась зрелищем травли зверей: медведей и волков, оленей и кабанов.

Охотничий зверинец, устроенный при Петре Великом в парке Екатерингофского дворца, предполагалось расширить до 33 верст в окружности. Он, по плану обер-егермейстера Артемия Петровича Вольтского, должен был заменить все другие многочисленные зверинцы и зверовые дворы, находившиеся в Петербурге и окрестностях. Сметная стоимость устройства этого зверинца – 100780 рублей (огромнейшие по тому времени деньги). Работы начаты весной 1737 г., но вскоре прекращены, а олени, лоси и лани переселены в Петергоф.

Рис. 1. Императрица Анна Ивановна в Петергофском зверинце на охоте; при ней герцог Бирон и обер-егермейстер А. Волынский (А. Рябушкин, по: Кутепов, 1895–1911)

Рис. 2. Императрица Анна Ивановна в Петергофском «Темпле» стреляет оленей (В. Суриков, по: Кутепов, 1895–1911)

При Павле I в Павловске содержали сибирских оленей и ослов. В Ораниенбаумском зверинце великий князь Петр Федорович, помимо американских оленей, разводил кабана. Здесь же была и псовая охота. В Дудергофе в 1770 г. императрица Екатерина II приказала построить фазанарий, в котором в 1778 г. находилось 159 фазанов. В сокольничьем дворе Красного села, а также во многих Петербургских зверинцах, содержали ловчих соколов. Однако охота с ловчими птицами была наиболее развита в Москве на Семеновском потешном дворе, где количество соколов, кречетов и ястребов доходило до одной-трех сотен (при Алексее Михайловиче – до 3000). Здесь же временами размещали медведей, рысей и других зверей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.